

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на обложке *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.
Г65 Отражение. Зеркало надежды / Галина Гончарова. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-108298-7

Родители — это хорошо? Только не тогда, когда они появляются у тебя на пороге через пятнадцать лет после разлуки и пытаются требовать алименты. Любовь — это прекрасно? Но не когда она безответная и молчаливая. Нравиться мужчинам приятно? Но ведь смотря каким... И это проблемы только Матильды.

А у Марии-Элены свои беды. Столица — роскошь и блеск королевского двора? Нет, господа, это змеиный клубок заговорщиков. Аллодия — прекрасная страна? Но не когда на границе сорок тысяч врагов, которые успешно продвигаются вперед, а король... Королю плохо. И причина его болезни пока неизвестна.

Но Матильда и Мария-Элена унывать не будут, ведь теперь они не одиноки. Спасибо тебе, зеркало, подарившее сестру — и надежду!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гончарова Г. Д., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108298-7

Как в город многолюдный я пришла,
Который полем был для битв священных,
Как средь живых и мертвых я была
Меж злых людей, меж раненых и пленных,
Как я была за истину борцом
И ангелом в пещере у дракона,
Как смело, не заботясь ни о чем,
Я шла на смерть, не издавая стога,
И как вернулась я, когда погас
Надежды луч, — то горестный рассказ.

*Перси Биши Шелли.
«Возмущение Ислама» в пер. К. Бальмонта.*

Глава 1

МАТИЛЬДА ДОМАШКИНА

«*Благословите, боги, зеркало*».

Другой мысли в голове у Матильды не появлялось. А Мария-Элена, уверенно забрав власть над телом в свои руки, смотрела на женщину, которая стояла напротив с видом победительницы.

И это — ее мать?

«*Господи, благослови зеркало...*»

Мать выглядела, страшно сказать, как сильно пьющая бомжиха.

Эта обвисшая туша, эти жуткие кудельки... а запах! Человека, который не привык мыться ежедневно, а то и два-три раза в день. Запах человека, который спокойно ложится спать в одежде и не видит в этом ничего страшного. Запах больного человека, который жрет (не ест, а именно жрет) всякую дрянь, вроде химикатных супчиков, и разрушает себя.

И толстые пальцы рук...

Матильду замутило. Но это — только Матильду. А Мария-Элена была спокойна и доброжелательна. Именно она смотрела на свет через серые глаза Матильды, именно она вежливо улыбалась уголками губ, именно она вскидывала тонкую черную бровь.

— Вы настаиваете, что вы — Мария Домашкина?

— Доченька! — всхлипнула «бомжиха», пытаясь схватить Мотю за руку. — Кровиночка моя...

— Документы предъявите.

— Что?

Голос Малены был настолько холоден и спокоен, что айсберги обзавидовались.

— Документы. Паспорт, СНИЛС, свидетельство о рождении или браке, водительские права... Если вы не помните, когда меня бросили, так я сообщу. В возрасте двух лет. Вы всерьез считаете, что я вас в лицо помню? Без документов я вас не опознаю.

Тетка села, где стояла. Предусмотрительно, на скамейку.

— Да... как же...

— Документы. Или я уйду.

Мария еще раз хлюпнула носом и полезла в безразмерную сумку. Этакая ковровая авоська, из тех, что продаются на любом рынке за копейки и уже через месяц выглядят так, словно под самосвал попали. Щедро украшенная жуткими котятами с людоедскими мордами. Да, и брелок.

Куда же без брелока из самоварного золота?

Или это кистень такой?

Махнешь — улочка, отмахнешься — переулочек... боги, какая же чушь лезет в голову!

На колени Матильде легли несколько бумажек разных цветов.

Мария-Элена аккуратно взяла одну из них кончиками пальцев, развернула.

— Та-ак...

Свидетельство о браке. Между Марией Домашкиной и Германом Вагиным. Понятно, почему мамаша не стала менять фамилию, лучше уж Домашкина.

М-да...

Матильда Вагина...

Замучаешься поправлять паразитов, чтобы ударение на первый слог ставили.

«Так звали твоего отца?»

«Да... Неужели это моя мать?»

«Что это меняет? Даже если и так?»

«Малена... да все меняет! Я себя просто грязной чувствую...»

«Бывает. Держись, Мотя, я тебя в обиду не дам!»

От подруги пришло ощущение тепла и благодарности, и Мария-Элена принялась копать дальше.

ИНН.

Зеленая карточка — СНИЛС.

И паспорт.

Все на имя Марии Домашкиной. И из паспорта смотрит та же особь, иначе и не скажешь. Конечно, мордочка в паспорте молоденькая, но это — один и тот же человек, без сомнения! Круглое лицо, кудряшки... Матильда точно не в мать пошла. И это к лучшему.

«Она ведь не старая, меня родила лет в двадцать...»

«И так выглядит?»

Малена ужасалась не зря. Это ж надо же! Чай, не Средние века, сейчас дамы в шестьдесят лучше выглядят, чем... эта!

«У нее еще есть дети?»

Малена ловко пролистнула паспорт дальше.

Дети были.

Семен Вагин и Лидия Вагина.

— Почему мне дали фамилию матери, а Семену и Лидии — фамилию отца?

Малена спрашивала с чисто научным интересом. Жизнь этой женщины была ей не слишком интересна,

но надо же изучать врага? А что врага — девушки даже не сомневались. Женщина (воспринимать ЭТО материю у Малены и Матильды одинаково не получалось) замешкалась ненадолго, но ответила:

— Герочка настоял. С тобой... там мать крутила. С ней спорить было сложно, она говорила, что смеяться будут.

«Бабушка...» — грустно вздохнула Мотя.

Малена цыкнула на подругу — не время раскисать, на нас враг идет!

— А потом, когда вы нас бросили и избавились от материнского диктата, вас ничего уже не сдерживало. Понятно...

— Да... ты не ревнуй, я о тебе и вспоминала часто, и приехать хотела...

Улыбка у Марии Домашкиной была сногшибательной в буквальном смысле слова. Редкие зубы перемежались черными дырами. Матильду вновь замутило, и Малена поспешила отвлечь сестренку.

«Я такое только в своем мире видела. Не в вашем».

«У нас стоматологи хорошие. Не все, правда...»

«А почему у нее так?»

«Не знаю. Спроси».

— Будем считать, что вы приехали, — согласилась Малена. — Что дальше?

Глаза у «матери» были удивленные.

— Домой пойдём...

— Простите, куда?

Малена удивлялась совершенно искренне. Что значит — домой?

О каком доме может идти речь, если ты! Бросила! Своего! Ребенка!

Про мать вообще не упоминаем. Кстати...

«Будь жива бабушка, она бы ее из окна выкинула», — подтвердила предположения Малены подруга.

— Д-домой...

Кажется, до женщины начало доходить, что здесь ей не все рады.

— У вас здесь есть дом? Замечательно. Давайте прощаться. Я устала, а вам еще до дома добираться невесть сколько — или вы рядом живете?

Предположение было сделано насмешливым тоном, но мамаша этого даже не поняла.

— Мотенька! Я же...

— Вы же?

«Мотенька?!» — вскипела Матильда.

«Спокойно. Я сейчас разберусь».

— Я же твоя мама...

— Не советую употреблять это слово в моем присутствии.

Тетка схватилась за сердце, демонстрируя, как она поражена отсутствием дочерней любви. Правда, для этого пришлось сильно подвинуть объемистую левую грудь, а то неубедительно получалось. Хотя девушки и сейчас не верили.

— Но это так! Я думала...

— Вы думали, что, явившись спустя столько лет, обретете здесь радушный прием? Зная мою бабушку? Вряд ли... кто вам рассказал про ее смерть?

Взгляд Марии метнулся по окнам первого этажа, остановившись на пластике коричневого цвета.

«Параша!!!» — Матильда не ругалась, просто это были именно что окна тети Параша.

— Ага... И откуда у нее ваш номер?

— Я не теряла вас из виду, — вздохнула Мария. — Я не могла приехать. У Герочки были проблемы...

— И что?

— Он... его несправедливо обвинили в краже!

— И посадили? — повторила Малена подсказанное

Матильдой.

Мария смутилась.

— Ну...

— На сколько лет?

— Два года. Но выпустили раньше...

«Понятно. Папахен что-то спер, попался, присел, а эта жена декабриста осталась ему каторгу портить, — подвела итог Матильда. — Спроси-ка вот что...»

— У него один срок?

Мария замялась.

— Эм-м-м...

— Три? Четыре?

— Два!

— Один на два года. Второй? — Мария-Элена решительно дожимала мамашу. — Ну?!

— На четыре. Но это все клевета!

— Кто бы сомневался, — кивнула Малена.

«Начинаю тебе завидовать, — вздохнула Мотя. — У тебя родители просто умерли. А тут... уголовник и кретинка».

Малена поглядела на стоящую перед ней тетку. Иначе и назвать-то не получалось.

Вспомнила свою маму.

Анна-Элизабет умерла. А если бы она превратилась... в такое?

Представить было жутковато. Да и не в превращении дело! Мать ты будешь любить любой. Грязной, зачуханной, пьяной, больной — неважно! Но — МАТЬ!

А каким словом надо назвать бабу, которая бросила родного ребенка и пожилую мать, потащившись за

сбежавшим мужем, и пятнадцать лет о себе знать не давала? И бросила, кстати, не в благополучной Швейцарии, а в криминальной России?

С Парашей она созванивалась!

Бабушке было бы так приятно это услышать...

Это — не мать. И все.

— Я правильно понимаю? — мягко уточнила Малена. — Вы поехали вслед за моим отцом. Его посадили, и вы остались неподалеку, ждать его. Потом он вышел. Побыл немного на воле, его опять посадили... За это время у вас родились еще двое детей?

— Да.

— Что сказала бабуля, когда вы ей позвонили?

Вопрос был поставлен остро, как нож. И тон Малены не допускал виланий.

Мария и не стала крутить. Поняла, что вранья дочка не потерпит.

— Бросить его, развестись и возвращаться. Воспитывать дочь.

— Что вам помешало?

— Гера — мой муж! И твой отец, кстати! Он тебя любит!

Девушки весьма сомневались в этом утверждении. Любит?

Ну-ну, колбасу мы тоже любим, но где оканчивается ее путь? То-то же...

— И где же счастливый папенька? Почему я его не вижу?

— Э-э-э-э-э... дома. С детьми.

— Дети?

— Сенечке четырнадцать, очень трудный возраст. Лидочке семь. Мы не можем оставлять их одних или на соседей. Чужие люди просто не справятся...

«Похоже, дети неуправляемы, а лупить их нельзя. Вот никто и не соглашается за ними приглядеть».

«Почему нельзя?» — не поняла Малена. В ее мире ювенальной юстиции не было, а подзатыльник, отвешенный нахальному ребенку, грехом не считался. Скорее воспитательной процедурой.

«Это чужие дети. Вони будет...»

«Оно и сейчас пахнет. Нехорошо...»

«М-да...»

— Где вы сейчас живете с семейством?

Название поселка ни о чем не сказала Матильде. Девушка задумалась.

— Так зачем вы, говорите, приехали?

— Я — твоя мама.

Звучало крайне неубедительно.

— Это — не причина, — отрезала Малена.

Мария вздохнула и выложила нечто поближе к правде:

— Мама меня на порог бы не пустила. Но сейчас, когда она умерла, ты можешь поехать пожить с нами, одной семьей.

— Зачем? — удивилась Малена. — Меня здесь все устраивает, и переезжать я не собираюсь.

— Но мы же твоя семья! Мама, папа, брат и сестра...

— Об этом надо было думать раньше.

Тетка явно струхнула. На что она рассчитывала — неясно, но уж точно не на ледяное безразличие и равнодушие.

— Или мы можем приехать к тебе. Познакомиться...

«СУКА!!! — взвилась в глубине души Матильда. — **НЕНАВИЖУ!!!**»

Малена почувствовала привкус желчи на губах. Подругу становилось все труднее удерживать. Надо было это заканчивать.

— Я считаю, что мы познакомились. В остальном... вы жили без меня больше пятнадцати лет? Можете продолжать в том же духе. Прощайте.

— Мотенька!!!

Малена поглядела на толстые пальцы, вцепившиеся в ее рукав.

— Отпустите немедленно!

— Или что?! Ты моя дочь!!!

Пошли силовые методы. Угрозы расправы и шантаж. Но не тут-то было!

— Или я найду на вас управу.

Если бы это сказала Матильда...

С криком, со слезами, с истерикой... кто бы поверил девчонке? Но сейчас говорила Малена Домбрийская. Наследница крупного герцогства, аристократка до мозга костей...

Малене, в своем теле, достаточно было лишь бровью повести, чтобы солдаты палками прогнали этих людей по городу. И вон с ее земель. Мало того, она бы и не задумалась так поступить.

И это отразилось в ее глазах.

Мария никогда не была особенно умна, но даже она это поняла. И замерла на пару секунд.

Этого хватило.

Малена сделала резкий жест рукой, как показывала Матильда.

Вырваться из захвата тоже надо уметь. Обычно люди тянут к себе, преодолевая хватку четырех пальцев, а надо крутануть рукой от себя, так быстрее и проще. Вот и сейчас толстопалая рука словно по волшеб-

ству слетела с одежды Матильды, и девушка быстро, почти бегом, влетела в подъезд.

Хлопнула дверь.

Мария осталась во дворе, растерянная и с документами на лавочке.

Как же так? Это же ее дочь?..

* * *

— Ненавижу! **НЕНАВИЖУ!!!**

Матильда рыдала в голос, и Мария-Элена не знала, как утешить подругу. Не помогала даже Беся, которая, чувствуя настроение хозяйки, мурлыкала вовсю и терлась головой о мокрые щеки девушки, рискуя утонуть.

— Мать!!! Да она меня бросила! Променяла на мужика! Уехала! А теперь, пятнадцать лет прошло, является она!!! Паскуда!!! Люби ее и радуйся!!!

— Мотя...

— А где она была, когда бабуля заболела? Когда мы тут на копейки выживали? Когда я в двенадцать бегала газеты разносила? Когда мы каждую монетку откладывали и одну овсянку жрали? **ТВАРЬ!!!**

— А чего она сейчас-то приехала?

Малене удалось сбить Мотю с истерического настроения, и вовремя. Слезы еще катились, но отвечала подруга уже осознанно.

— Эм-м-м... не знаю.

— А ты подумай? Твоя бабушка умерла. Я сама с этим столкнулась... Кто все наследует?

— Я.

— А кто об этом знает?

Матильда зависла, как старый пентиум. Потом собралась с мыслями...

— Постой. Я сама скажу. Ты считаешь, что она решила наложить лапку на то, что осталось от бабушки, и потому явилась?

— Тебя это удивит?

— Да ни разу! Вполне возможно.

— У нее это получится? Надо искать законника?

Матильда покачала головой.

— Нет. Бабуля знала, что умирает. И... она ведь знала, что мать жива! Я в этом уверена!

— Почему ты так решила?

— Бабуля хотела несколько раз со мной о чем-то поговорить, точно! Я помню! Но как-то не складывалось, а потом ей вообще плохо стало, последний месяц она была... не как в коме, но что-то вроде. Уже никого не узнавала, не видела...

Малена вздохнула.

Как бы ей сейчас хотелось обнять подругу, прижать к себе и сказать, что Мотя не одна. У нее навсегда есть Мария-Элена Домбрийская. Что бы ни случилось, она не бросит сестренку.

Зеркало не допустит таких вольностей...

Они никогда не протянут друг другу руки, но их души — рядом.

— Я с тобой...

— Спасибо, Малечка. Так вот, бабуля настояла, чтобы оформить не просто завещание.

— А в чем разница?

— Она оформила договор ренты и договор дарения.

— То есть?

— Дарение — на дачу и гараж. Она подарила мне их, как только мне стукнуло шестнадцать. На совершеннолетие.

— А рента?